

А. Л. ЮРГАНОВ

**КАТЕГОРИЯ «КАК БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ»
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ (К МЕТОДОЛОГИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹**

**THE CATEGORY OF “WHAT REALLY WAS”
IN THEORETICAL CONSIDERATION (TOWARDS
A METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH)**

This article examines the category of modern (including academic) consciousness from a theoretical point of view, reflecting an interest in understanding what and how “it really was.” It is essential to understand what reality is, whether we assert that consciousness is “secondary” in relation to being, or whether, on the contrary, we say that being is human self-consciousness. An appeal to the classic work of Alfred Schutz shows that any consciousness is real. The hierarchy of the real is only in the degree of activity of consciousness: and it can be both passive and therefore seemingly unnoticed, and active, e.g., in planning “work plans” and in other forms of “wakefulness.” Schutz, in anatomizing the life process and revealing all possible modes of reality in human consciousness, does not touch upon the question of how to study everyday historical life if its existence is not subject to direct observation, but is presented indirectly. i.e., exclusively by historical sources. The author of the article draws attention to the fact that in the historical context the law of semantic translation of empirical content into non-empirical is in effect. It is made a law by the nature of any culture that maintains itself in the historical context thanks to conventional models – typical explanations that have the property of both creating stability of meaning and modifying it. The empirical state of many realities of human experience cannot be preserved in its previous form and is transformed by the main function of the cultural text – to complete the world of primary experiences in accordance with the self-evident dominants of conventional models. No “living” into the historical era, based on knowledge familiar to the researcher is possible because the historical context always requires the experience of reconstructing the semantic content of the text.

Key words: Intersubjectivity, phenomenology, Alfred Schutz, lifeworld, historical context, objectivism.

Andrei L. Yurganov – DSc in History, professor, Russian State University for the Humanities.
E-mail: lurganov@yandex.ru ORCID: 0000-0001-5409-2578

1 Citation: A. L. Yurganov, «Kategoriia «kak bylo na samom dele» v teoreticheskom rassmotrenii» [«The category of “how it really was” in theoretical consideration (Towards the methodology of historical research)], *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 229–238. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.g.1

Стремление узнавать «как было на самом деле» можно отнести к категориальному восприятию прошлого. Эта установка современного сознания относится ко всему, что становится предметом внимания воспринимающего и потому допустимо рассмотреть теоретически процесс узнавания того, что и как было на самом деле в жизни людей, в их повседневности. Однако прежде следует определить отношение к реальности, ибо она всегда присутствует в своих собственных рамках осознаний чего бы ни было.

В статье Альфреда Щюца «О множественности реальностей», ставшей классической для феноменологии², подчеркивается, что «исток реальности субъективен»³. Реальна любая субъективность и потому, писал А. Щюц, «бесконечно много различных порядков реальностей, каждый из которых предполагает свой особый и отдельный стиль существования». Первый раздел его статьи так и назван: «Реальность мира повседневной жизни».

Щюц раскрывает смысл «повседневной жизни» не через хаос мнений, а через «интерсубъективный мир», существующий до всякого личного мнения о нем, ибо любая интерпретация мира основана на актуализации предыдущих переживаний, мыслей, чувств. Они так или иначе группируются вокруг естественной установки, и в ней нет хаоса, – напротив: естественная установка определяет собой взаимодействие индивидуального и *само собой разумеющегося* общего мнения.

В этом взаимодействии философа интересует прежде всего «спонтанная жизнь» человека, в которой обнаруживаются самые простые и не осознаваемые элементы: это «простые физиологические рефлексy например, коленный рефлекс, хватательный рефлекс у детей, моргание, покраснение; более того – определенные пассивные реакции, вызванные тем, что Лейбниц называет проскальзыванием неразличимых и смешанных малых восприятий; далее – моя походка, выражения моего лица, мое настроение, те проявления моей спонтанной жизни, из которых следуют некоторые характеристики моего почерка, доступные графологическому толкованию, и т. д. Все эти формы произвольной спонтанности переживаются в процессе своего появления, но не оставляют никакого следа в памяти; как опыт, они, если снова воспользоваться термином Лейбница, лучше всего подходящим в данном

2 А. Щюц, «О множественности реальностей», *Социологическое обозрение*. Т. 3. №2. 2003. С. 3-34.

3 Щюц, «О множественности реальностей», 1.

случае, воспринимаемы, но не апперцептивны»⁴. Пассивные элементы спонтанной жизни соседствуют с «активностью», такой категорией спонтанной жизни, которую Щюц определял через любой субъективно осмысленный опыт спонтанности, «будь то опыт внутренней жизни или опыт, вторгающийся во внешний мир»⁵.

Если пассивная сторона спонтанности – это «простое делание» (*mere doing*), то активная сторона – это «простое думание» (*mere thinking*). Понятием «рабочая операция» Щюц определял всякое действие в спонтанности, которое основано на *проекте* своего отношения к внешнему миру. Он отмечал: «Все формы так называемой автоматической деятельности во внутренней или внешней жизни – привычные, традиционные, аффективные – попадают в этот класс, называемый Лейбницем «классом эмпирического поведения»»⁶. Согласно центральному пункту философии А. Бергсона, о котором упоминает Щюц, сознательная жизнь человека обнаруживает «бесконечное число планов». И каждый план характеризуется своим «напряжением сознания»: в активном действии – это наивысший интерес к жизни, в сновидении – самая низкая степень напряжения. Щюц ввел свой термин для обозначения наивысшего напряжения сознания, когда возникает полное внимание к жизни – это состояние «бодрствования». Отсюда: «пассивное внимание противоположно полному бодрствованию». Именно в «состоянии полного бодрствования работающего Я прослеживается тот сегмент мира, который прагматически значим, и это значение определяет форму и содержание нашего потока мышления»⁷.

Он писал: «Мы синхронно переживаем рабочее действие как серию событий во внешнем и во внутреннем времени, соединяя оба измерения в единый поток, который следует назвать живым настоящим. Живое настоящее рождается, тем самым, на взаимопересечении *durée* и космического времени.

Проживая в живом настоящем текущие рабочие акты, направленные на объекты и объективности, которые нужно вызвать, работающее Я ощущает себя инициатором текущих действий и, тем самым, – нераздельным тотальным Я»⁸.

4 Щюц, «О множественности реальностей», 3.

5 Щюц, «О множественности реальностей», 3.

6 Щюц, «О множественности реальностей», 5.

7 Щюц, «О множественности реальностей», 5.

8 Щюц, «О множественности реальностей», 8.

Однако когда речь идет о рефлексии своего опыта, неизбежно возникает редукция этого «нераздельного тотального Я», которое *не может быть* представлено во всех своих проявлениях: «Исходя из нашей цели то соображение, что внутренний опыт наших телодвижений, сущностно актуальный опыт и открытые предвосхищения не поддаются схватыванию при помощи рефлексивной установки, вполне ясно показывает, что прошлое Я никогда не может быть более, чем *частичным аспектом тотального Я* (курсив мой – А. Ю.), которое осознает себя в опыте своих текущих рабочих операций»⁹. Иными словами, мы не в состоянии выразить в рефлексии все многообразие реальностей, создаваемых нашим многоуровневым сознанием.

А. Щюц буквально анатомирует жизненный процесс, выявляя все возможные модусы реальности в сознании человека. Но остается совершенно не затронутым вопрос, который, наверное, и не должен волновать философа, но не может не беспокоить историка, – а как же изучать повседневность историческую, если ее существование не подлежит прямому наблюдению, а представлено опосредовано – исключительно историческими источниками? Между исследователем и чужой одушевленностью прошлого – граница времени, зафиксированная пространственной и смысловой границей документа. Это замечание несколько не колеблет тех наблюдений, которые высказал А. Щюц в отношении «множества реальностей». Они по-прежнему актуальны как атрибуты жизненного мира – всякой осмысленной повседневности. Вопрос в другом – *что мы видим в тексте* – какая часть этих многообразных реальностей в нем представлена?

В новейшем исследовании фундаментальных основ мыслительной деятельности европейской и арабской культур, в книге А. В. Смирнова «Слово и смысл», обсуждается вопрос о разных логических механизмах производства смысла – этот вопрос не был специально рассмотрен А. Щюцем, хотя общие выводы этих исследований во многом совпадают.

А. В. Смирнов различает две логические процедуры: логику процессуальную (П) и логику субстанциональную (С). «Процесс в П-логике – это не изменение субстанции во времени и пространстве; это не становление, не переход из потенции в акт. Все эти и им подобные понимания процесса выстроены средствами С-логики. Необходимо отвлечься от них, чтобы адекватно понять в П-логике. П-парадигма

9 Щюц, «О множественности реальностей», 9.

– это не субъект-объектная парадигма. Такая подстановка (объекта действия на место претерпевающего) – также стандартная ошибка С-мышления. Из всего сказанного вытекает, что процесс в П-логике – это не связь, и не отношение, и уже тем более не атрибут. Процесс в П-логике и есть *первичная действительность*. Вот почему процесс (протекание действия между действователем и претерпевающим) ни к чему не сводим, вот почему он неделим и не имеет меры. В П-логике процесс онтологически первичен»¹⁰. Между двумя логическими процедурами существует обратимость. Смирнов находит свое словесное определение этой ситуации: «Если С- и П-логики – *то же иначе* друг для друга, и если наше сознание всегда может быть выстроено в С- и П-парадигмах, значит, оно всегда – *то же иначе*»¹¹.

Казалось, бы анализ двух логических процедур, по-разному присущих европейской и арабской культурам, подводит нас к мысли о сущности текста в передаче смысла той первичной повседневности, которую Щюц представил во множестве реальностей. Однако в отличие от философа историк ищет не умопостигаемый смысл, а смысл исторического контекста – и такой, который обременен культурно-значимыми высказываниями актуальными *здесь-и-сейчас*.

Процесс в П-логике для историка культуры, если пользоваться терминологией Смирнова, – это неотрефлексированная область, обладающая изначальной неопределенностью. Эта неопределенность равнозначна «множеству реальностей» (по Щюцу), которые входят как переживания в осмысленную повседневность. Можно сказать, что «первичная действительность» является действительностью настолько эмпирической, что переход ее в *текстуальное русло* не может не быть редукцией культуры по созданию *нового* и более устойчивого смысла. Связь с эмпирическим миром прерывается навсегда.

Так своеобразно действует закон семантического *перевода* эмпирического содержания в неэмпирическое. Законом его делает природа любой культуры, которая удерживает себя в историческом контексте благодаря конвенциональным моделям – типичным объяснениям, имеющим свойство как создавать устойчивость смысла, так и видоизменять его.

Итак, эмпирическое состояние многих реальностей переживания человека не может сохраниться в прежнем виде и преобразуется глав-

10 А. В. Смирнов, *Слово и смысл*. (Москва: ООО «Садра», 2024), 132.

11 Смирнов, *Слово и смысл*, 132.

ной функцией культурного текста – достраивать мир первичных переживаний в соответствии с само-собой-разумеющимися доминантами конвенциональных моделей.

Переживаемую повседневность мы можем описывать в живом воплощении здесь-и-сейчас (при всех оговорках Щюца), но мы не можем почувствовать и уловить ту историческую повседневность, которая дана нам только в преобразованном виде и де факто уже не является ею. Вот – с моей точки зрения – где и кроется тяга исследователей к модернизации, которая нередко прикрывается словами – узнать «как было на самом деле». Границей «как было» становится природа самого сознания человека. Во многообразии сиюминутных ощущений себя в настоящем человек находит возможным представить по аналогии и чужую одушевленность прошлого. Между тем, мы узнаем ее только через текстуальный мир типичных объяснений другой культуры – только через конвенциональные модели, которые необратимо стирают эмпирические ощущения во «множестве реальностей».

Теория, основной принцип которой заключен в словах Ф. Анкерсмита о «непосредственном историческом опыте»¹², определяет собой драматургию современного состояния гуманитарной науки, ищущей выход из кризиса объективизма. Если прибавить к словам Анкерсмита слова Х. Гумбрехта о «производстве присутствия», то окажется, что гуманитарий может и даже должен доверять себе, личным впечатлениям и чувствам, уходя от предпосылочного знания, всяких готовых интерпретационных схем, чтобы обнаружить связь времен путем своеобразного «вживания» в исторический контекст. Утверждается мысль, что при всей инаковости, чуждости «прошлого» сам этот очищенный контакт (похожий на медитацию) возможен. В конце концов с этим можно было бы и согласиться, но как доказать, что беспредпосылочное «вживание» гарантирует адекватное понимание исторического контекста. И как это проверить?

Анкерсмит подчеркивал: «...переживание прошлого является переживанием не там, где оно точь-в-точь соответствует воспоминаниям, ожиданиям и практическим убеждениям историка, но именно там, где оно бросает вызов всем нашим интуициям о мире. Только здесь мы можем встретиться с прошлым как таковым в его бескомпромиссной и радикальной чуждости, то есть в его «возвышенности» <...> Только здесь мы действительно открываем прошлое и текст, который броса-

12 Ф. АНКЕРСМИТ, *Возвышенный исторический опыт*. (Москва: Европа, 2007), 140.

ет вызов всем нашим категориям, делающим мир осмысленным. И это может превратить прошлое в чуждый и волшебный мир, каким оно в сущности и является...»¹³. Анкерсмит отмечал, что гуманитарий, вовлекаясь в возвышенный мир прошлого открывает для себя чуждый мир, чуждую информационную среду через вхождение во внутренний мир чужой ему метафизики («возвышенности») и таким образом – уже оказавшись в ней как бы соучастником и непосредственным наблюдателем – он постигает логику исторического контекста.

Гумбрехт с неменьшей радикальностью, чем Анкерсмит, говорил о необходимости выхода за пределы, очерченные жизненным миром познающего. Он настаивал на том, что опыт трансцендирования не только возможен, но изначально присущ человеку¹⁴.

Анкерсмит и Гумбрехт – противники герменевтики, потому что ее теоретическим эпицентром является интерпретация, позволяющая исследователю оставаться самим собой в контактах с прошлым, что неизбежно влечет за собой модернизацию исторического контекста.

Анкерсмит отмечал: «...герменевтика, семантика, семиотика и т. д. ненамеренно пытаются не столько показать нам путь к значению текста, сколько разъяснить, почему мы всегда и неизбежно обречены упустить это значение»¹⁵.

Но идеальная модель Анкерсмита становится сложнейшей проблемой, ибо адекватность наблюдателя, отказавшегося от обыденных установок своего жизненного мира, практически выходит за пределы всякой верификации. Такая модель отрицает прежнюю, – в самом деле устаревшую модель «диалога» в духе исторической антропологии, – но не дает оснований для того, чтобы судить о качестве диалога «непосредственного наблюдателя». Не желая познавать прошлое при помощи метаязыка интерпретационной науки, Анкерсмит предлагает вживание в «возвышенный опыт» нетекстовой реальности, например, при анализе венецианского пейзажа Гварди. Но как бы он не пересказывал свои впечатления от контакта с этим произведением искусства, Анкерсмит вынужден обращаться к историческим текстам эпохи, чтобы верифицировать собственные впечатления.

Как заметил в свое время М. Л. Гаспаров, в познавательном процессе разграничиваются две процедуры: одна апеллирует к убедитель-

13 АНКЕРСМИТ, *Возвышенный исторический опыт*, 109.

14 Х. ГУМБРЕХТ, *Производство присутствия. Чего не может передать значение*. (Москва: Новое литературное обозрение, 2006).

15 АНКЕРСМИТ, *Возвышенный исторический опыт*, 138.

тельности (это искусство), а другая апеллирует к доказательности (это наука)¹⁶. Убедительность порождает само-суггестию, доказательность требует аргументов.

Мне думается, что одна из причин двойственности концепции Анкерсмита заключается в том, что он не обсуждает теоретически – что есть исторический контекст. Современная научная литература тоже равнодушна к этой проблеме.

Сложность понятия «исторический контекст» заключается в том, что обсуждать его природу можно только тогда, когда правильно выбрана система координат и взаимосвязь с другими понятиями, маркирующими собой картину того, что мы по привычке называем «прошлым». Нередко понятием «контекст» определяют максимальные границы изучаемого времени. Как будто контекст «один на всех».

История – это самосознание людей во времени. Такое определение максимально удаляет гуманитарную науку от объективистской парадигмы («как было на самом деле»), в которой первичен процесс сам по себе, потому что принимается как аксиома, что «сознание» вторично по отношению к «бытию». В необъективистском модусе, который, я думаю, определяет собой новейшее состояние гуманитарных и философских наук, бытие и есть сознание, и все, что было в прошлом происходило прежде всего в сознании людей. В анализе исторических текстов сталкиваются не только разные формы сознания, сталкиваются разные жизненные миры, разные установки осмысленной повседневности. Нередко понятие «исторический контекст» приобретает в научном объяснении такую устойчивость, как если бы речь шла о неподвижном предмете. Любой исторический контекст есть реальность осмысленной повседневности, которая на периферии жизненного мира постоянно видоизменяется. Но движение (как самоизменение) только тогда будет замечено, когда имеется константа, или «точка неподвижности». Попадая в любой исторический контекст, мы видим в нем не частное мнение кого бы то ни было, а *общепринятое мировосприятие (мнение)*, которое допускает внутри себя множество разных объяснений, вплоть до противоположных, и это нисколько не отрицает общий и обязательный «центр неподвижности». В эпоху русской Смуты начала XVII века общепринятым было мнение, что для утверждения законности власти не-

16 М. Л. ГАСПАРОВ, «Научность и художественность в творчестве Тынянова» в *Достоверность и доказательность в исследованиях по истории и теории культуры*. ред. Г. С. КНАБЕ (Москва: РГГУ, 2002), 290.

обходимы основания, свидетельствующие о близости к угасшему роду Калитичей. Ибо само государство было наследственной монархией с наследственной корпорацией служилых людей. Вокруг этого смыслового эпицентра кружилось много разных и порой противоположных объяснений, которые исключали друг друга во всем, кроме того аргумента, о котором сказано выше.

Таким образом «исторический контекст» – это континуум, содержащий множество конвенциональных моделей, типичных объяснений того, что происходит «здесь-и-сейчас», но в рамках генерального тезиса – установки видеть причинно-следственную связь такой именно, а не другой.

В исследовательском опыте существенно видеть, что любая контекстуальная данность раскрывается как явление само-собой-разумеющегося. В этом и заключен основной парадокс прошлого, – в не-объективистском модусе труднее всего понять чужую очевидность. Исследователю неочевидна мировоззренческая установка другой исторической эпохи – и попасть в нее путем «вживания» не получится, потому что для этого требуется опыт реконструкции. Требуются аналитические процедуры, доказывающие, что выявленные факты самосознания – действительно история со своими границами объяснения, а не картина мира исследователя.

В идеальной модели Анкерсмита «история» создается (в конечном счете) интерпретатором, который воспроизводит свой *опыт*, будучи уверенным, что адекватная передача чужого смысла невозможна.

Факты самосознания людей во времени даны нам прежде всего в словах – в сферах понятий. Не зная словесных aberrаций значений слов, постоянно меняющихся, вживание не состоится еще и потому, что «вживаться» надо не в свои эмоции от увиденного, а в сложные процессы словесных изменений сознания человека – что тоже требует аналитических процедур, а не личных впечатлений.

Понятие «повседневность» используется чаще всего как некая единая, неделимая категория. Между тем, нет никакой одной и неделимой повседневности, которая покрывала бы собой «жизнь людей». Мы имеем дело с модусами повседневности¹⁷, которые выражают собой

17 А. Юрганов, «Жизненный мир и модусы повседневности», *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 2022. №9, 1–14; А. Юрганов, «Логика допущения в модусах повседневности», *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2023. №9, 12–16.

огромное разнообразие жизненного мира, не лишенного своего культурно-исторического единства.

«Контекст» осуществляется во множестве конвенциональных моделей; «повседневность» – это разнообразные модусы осмысленной ежедневности. Словом, любая абстракция, превращенная в историческую реальность, лишает нас возможности понять человеческое самосознание во времени. Идея «вживания» выглядит абстрактной категорией, которая игнорирует всю сложность аналитической работы исследователя.

References

- F. ANKERSMIT, *Vozvyshennyi istoricheskii opyt* [Sublime Historical Experience] (Moskva: Evropa, 2007).
- M. GASPAROV, “Nauchnost’ i hudozhestvennost’ v tvorchestve Tynianova” [Scientificity and Artistry in the Works of Tynianov] v *Dostovernost’ i dokazatel’nost’ v issledovaniakh po istorii i teorii kul’tury* red. G. S. KNABE (Moskva: RGGU, 2002).
- H. GUMBRECHT, *Proizvodstvo prisutstviia. Chego ne mozhnet peredat’ znachenie* [The Production of Presence: What Meaning Cannot Convey] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie), 2024).
- A. IURGANOV, “Zhiznennyi mir i modusy povsednevnosti” [Lifeworld and Modes of Everyday Life] *Vestnik RGGU. Seria “Literaturovedenie”. “Iazykoznanie”. “Kulturologiia”*, (2022. №9).
- A. IURGANOV, “Logika dopushcheniia v modusakh povsednevnosti” [The Logic of Assumption in the Modes of Everyday Life], *Vestnik RGGU. Seria “Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul’turologiia”*. 2023. №9, 12–16.
- A. SCHUTZ, “O mnozhestve real’nostei” [On the Plurality of Realities], *Sotsiologicheskoe obozrenie* T. 3, №2 (2003), 3–34.
- A. SMIRNOV, “Slovo i smysl” [Word and Meaning] (Moskva: «Sadra», 2024).